DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.026

УДК 94(47).08''18''Нечаев С. Г.

ББК 63.3(2)522–414, 8Нечаев С. Г.

Ю.Г. СТЕПАНОВ

КАЗУС С.Г. НЕЧАЕВА
(КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ)

YU.G. STEPANOV

THE CASE OF S.G. NECHAEV
(BIOGRAPHY COMMENTARY)

Личность С.Г. Нечаева более ста лет привлекает внимание исследователей. За эти годы оценки его деятельности неоднократно изменялись. В статье дана попытка объективно рассмотреть личность С.Г. Нечаева и главные итоги его деятельности.

The personality of S.G. Nechaev has attracted the attention of researchers for more than a hundred years. Over the years assessments of its activities have changed several times. The article attempts to objectively consider the personality of S.G. Nechaev and the main results of his activities.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общество, пропаганда, революционная деятельность, студенчество, политическая эмиграция, террор, суд, самодержавие, авантюризм, убийство, полиция.

KEY WORDS: society, propaganda, revolutionary activity, students, political emigration, terror, court, autocracy, adventurism, murder, police.

ВВЕДЕНИЕ. В коллекции документов Саратовской ученой комиссии (СУАК) имеется скромное, на шестнадцать листов, дело № 2080: «Материалы для биографии рев<олюционера>-народника Нечаева С.Г. <1883>» [7]. Это оттиск одноименной публикации из первого номера «Вестника "Народной воли"», изданного в Цюрихе. Чудом сохранившийся в фондах Государственного архива Саратовской области (ГАСО) раритет содержит отрывочные записки «арестанта № 5» в изложении редактора «Вестника», члена ИК «Народной воли» Л.А. Тихомирова.

Если верна установленная архивистами дата, то копия «Материалов» достигла волжских берегов с фантастической для того времени скоростью. Первый номер «Вестника "Народной воли"» увидел свет в ноябре 1883 г. [22, с. 157], а уже через месяц-полтора копия «Материалов», минуя все кордоны, оказалась в Саратове. Впрочем, сам по себе этот любопытный факт — лишнее свидетельство того, что русская полиция не могла перекрыть все каналы поставки в Россию нелегальной литературы. А то, что откровения секретного узника Петропавловской крепости в итоге попали в столицу Поволжья и кем-то заботливо сохранялись для потомства, удивления как раз не вызывает.

Саратовское Поволжье издавна считалось обителью крамолы. Мятежное народническое движение, развернувшееся в 1870-х гг., только подтвердило этот диагноз. Неудача стихийного «хождения в народ» не обескуражила саратовских народников. В 1880 г. в «столице Поволжья (как именовали Саратов его старожилы) был создан кружок партии «Народная воля». Его организаторы — М.П. Троицкий, Н.Н. Катин-Ярцев, В.И. Кунтушев, Ф.А. Борисов — были заметными участниками освободительного движения той эпохи. В их «послужном списке» значатся, например, планы освобождения Н.Г. Чернышевского. Все они еще со студенческих времен не единожды встречались с Нечаевым, были знакомы и с активистами его «Народной расправы», а Катин-Ярцев, по его словам, одно время был «горячим сторонником Нечаева и Бакунина» [8, с. 339].

Именно Катин-Ярцев, единственный, кому посчастливилось избежать длительного заключения, вероятно, и передал откровения узника Петропавловской крепости одному из местных хранителей старины.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. С 1918 г. (после установления советской власти и организации архива) «Материалы к биографии ...» находились в открытом доступе без каких-либо ограничений. Судя по истории дела и формулярному списку, до 1988 г. биографией С.Г. Нечаева заинтересовался один читатель, а в последние 30 с лишним лет еще девять человек просматривали дело № 2080. Получается, что за столетие личность «беса» привлекла внимание не более десятка исследователей. Негусто, учитывая, что Саратов университетский город с глубокими и давними традициями изучения освободительного движения в России.

ЦЕЛЬ данной статьи — обращение к личности этого яркого и противоречивого человека, чья революционная биография до сих пор покрыта ореолом таинственности и мистификаций.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ. Казус Нечаева — удивительный феномен в культурно-политической истории России. Почти день в день (21 ноября 1882 г.) через тринадцать лет после гибели студента И.И. Иванова, сгинул и организатор его убийства, скандально известный С.Г. Нечаев, главный, по убеждению иных почитателей таланта Ф.М. Достоевского, «бес» русской истории [17, с. 57].

Той же ночью прах «арестанта № 5» был тайно захоронен на одном из петербургских кладбищ. Казалось бы, круг замкнулся, «демон» русской революции канул в небытие и самого имя его будет проклято и забыто. Но нет, по странному капризу истории «слово и дело» «абрека», как в сердцах назвал убийцу студента Иванова М.А. Бакунин, занозой сидит в нашей исторической памяти.

На протяжении более чем столетия интерес к личности главы «Народной расправы» то исчезал, то возрождался вновь, а суждения о нем и его авантюрах пульсировали в диапазоне от хвалы до хулы. В конечном итоге, автор «Катехизиса революционера» удостоился монументального жизнеописания, изданного дважды (!) всего за семь лет и последний раз в серии ЖЗЛ. Думается, что даже сам Нечаев с его непомерным тщеславием и мечтать не мог о такой посмертной славе. Этот парадокс имеет логичное и простое объяснение: в нашей историографии и общественном сознании прочно укоренились мифы, не имеющие отношения к реальности. В 1989 г. Историк Ю.А. Бер, апологет вождя «Народной расправы», призывал современников придерживаться фактов, оценивая Нечаева [5, с. 146]. Требование резонное и справедливое. И задача этой статьи не казнить или миловать, а лишь уточнить некоторые важные факты биографии Сергея Нечаева.

Флер таинственности, имидж революционера и мыслителя, недостаток сведений и небрежение фактами породили в нашей литературе разную в оценках жизненного пути, характера, образованности, способностей С.Г. Нечаева. А.Г. Гамбаров увидел в жизни и судьбе Нечаева трагедию «гения», не понятого и непринятого народниками, не сумевшими понять и оценить масштаб его личности [6, с. 143]. Авторы вводной статьи к публикации в «Литературном наследстве» уверяли, что Нечаев обладал недожизненными литературными способностями и образованием: публиковался в европейских изданиях, издавал «Колокол», «Общину», листки «Народной расправы» и прочее, прочее, прочее. [21, с. 428].

Поддерживал версию о дарованиях автора «Катехизиса революционера» и В.Я. Гросул. «Нечаев писал по-русски и по-французски, имел определенные познания в латыни <...>, был вполне способен к литературной работе, что подтверждается и его личными письмами и такими изданиями, как «Народная расправа» и «Община», отмечал исследователь [9, с. 352].

Отмечу, что все приведенные здесь суждения носят абстрактный характер. Ни один из авторов не привел хотя бы одну цитату из творческого наследия Нечаева. Не потому ли, что в его писаниях ничего достойного внимания попросту и нет?

Горькую повесть о даровитом, но бедном юноше, преодолевшем тяготы жизни, козни недоброжелателей, добившемся признания и успехов неустанным трудом и талантом, о русском патриоте и социалисте-революционере первым поведал «городу и миру» никто иной как сам Сергей Нечаев. В начале апреля 1869 г. он прибыл в Женеву, по его словам, «невинным, добрым, честным мальчиком» [23, с. 399], и явился к Н.П. Огареву, которому и рассказал о себе, своих трудах на благо отечества, не забыв «скромно» упомянуть и о выдуманном побеге из Петропавловской крепости. Наивный Николай Платонович был впечатлен, даже очарован героической фигурой «народолюбца».

Он родился в бедной доле, / Он учился в бедной школе, / Но в живом труде науки, / Юных лет он вынес муки. Так пафосно начинается стихотворение Н.П. Огарева «Студент», посвященное «молодому другу Нечаеву». Оно «было отпечатано отдельным листком» и быстро распространилось в России [23, 399]. И так, из смеси фактов и вымысла, начала складываться причудливая мозаика «биографии» С.Г. Нечаева.

Если же перейти от поэтизации «лорда» (одна из кличек Нечаева) к фактам, то утверждение о его образованности и дарованиях вызывает большие сомнения.

Детство будущего главы «Народной расправы» было действительно нелегким, хотя семья все же находила средства нанимать ему «хороших наставников» [4, с. 134 156]. В письмах юного Нечаева своему наставнику Ф.Д. Нефедову видно намерение Сергея Геннадиевича учиться и много читать. Он интересуется книгами, просит их присылать, но уточнить круг чтения и уровень начального образования Нечаева затруднительно. В сохранившихся документах он крайне редко касается тем, которые живо интересовали молодое поколение той эпохи: экономика, социология, естествознание, литература, искусство.

В 1866 г., перебравшись в Петербург, Нечаев сдал экзамены на звание народного учителя и устроился в Сергиевском приходском училище. А с 1868 г. он становится завсегдатаем студенческих кружков, однако полного гимназического курса он так и не одолел.

Сохранилось множество свидетельств о кругозоре и дарованиях Нечаева. Так, например, Варлаам Черкезов, соратник лидера «Народной расправы», осужденный по делу «нечаевцев», писал в 1870 г. своему другу И.Н. Лихутину: «Нечаев в моих глазах человек не с особенно ясным и широким развитием, человек, не могущий не только дать направление, — куда ему! — но даже быть представителем какой бы то ни было серьезной и последовательной политической агитации» [19, с. 149 150]. Еще один «нечаевец», народник-писатель З. Ралли так характеризовал теоретический уровень и взгляды автора «Катехизиса революционера». «Нечаев, — писал он историку революционного движения Б.И. Николаевскому, воображавший Робеспьера таким, как узнал его из нескольких прочитанных книг <...>, не был социалистом, не знал ни Маркса, ни интернационального рабочего движения, был очень мало начитан и даже Парижскую коммуну плохо понимал <...>» [20, с. 223]. Очевидно, Нечаев воображал себя мессией, призванным нести свет в блеклую и никчемную либеральную мысль русской политической эмиграции. Писал он много. Правда, как осторожно заметил В.Я. Гросул, не ясно авторство С.Г. Нечаева в приписанных ему в работах [9, с. 35].

Тем не менее, он выпустил два номера «Общины» (второй номер был уничтожен самим Нечаевым) и после смерти Герцена шесть номеров «Колокола», которые писал едва ли не в одиночку. Правда, по свидетельству С.И. Серебренникова, нечаевский орган печати ограничивался клеветой и угрозами политической диаспоре, не более того [23, с. 399]. Иных достоинств в детище Нечаева обнаружено не было. Творчество же своего бывшего единомышленника в «Колоколе» М.А. Бакунин заклеил как стилистически безобразное, идейно бессодержательное и «дикое». Сам же Нечаев свое отношение к штудиям «демократов-баричей» (имелись в виду Герцен и Тургенев) в области общественно-политической мысли ясно и четко указал в первом же номере «Общины»: «Кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником» [9, с. 352].

Нечаев, человек амбициозный, но ограниченный и неразборчивый в средствах, вызывал в кругах эмигрантской диаспоры резкое неприятие. Его призыв к резне отторгался и либеральной, и революционной оппозицией, а других аргументов в пользу «погрома» у сочинителя «Катехизиса» не было. Курьезом следует считать мелькнувшее в воспоминаниях одного из очевидцев утверждение, что Нечаев, агитируя студентов, цитировал Канта. Не знаю, что важного для революционной борьбы мог почерпнуть «абрек» у кенигсбергского мудреца, но точно не категорический императив.

Думается, Нечаев, человек вовсе не глупый, чувствовал огромный дискомфорт в общении с людьми действительно глубокими, что, при его огромном тщеславии и самомнении, переносил с болезненной озлобленностью. Отсюда его демонстративное презрение к «баричам» (в эту категорию автор «Катехизиса революционера» включал и оппонентов, и соратников). Ф.М. Достоевский гениально точно увидел и понял в мировоззрении Нечаева главное, то, что почему-то проглядели несколько поколений историков: «У Нечаева только несколько мыслей, на которых он выезжает. Места, времени, национальности, разнообразия он не принимает в расчет. Кто не согласен с ними, тот у него подкуплен» [10, с. 106].

Что касается бумаг, оставшихся после смерти Нечаева, то все они по распоряжению Александра II были уничтожены. Единственным читателем этого «литературного наследия» был безымянный агент III Отделения. Он оставил интересную и удивительно точную характеристику арестанта № 5. Отметив «недужность натуры» С.Г. Нечаева, он справедливо указывал на его пороки самоучки, причудливую смесь сумасбродства, неприязни к образованному сословию, законности и праву [28, с. 176 177].

Итак, очевидно, что в области революционной мысли ничего достойного внимания потомков Нечаев создать не смог. Ставить его в один ряд с Лавровым, Ткачевым или Бакуниным, называть «русским Бланки» столь же «логично», как и считать Разина с Пугачевыми родоначальниками и теоретиками анархизма.

Влажнейшим свидетельством революционного творчества Сергея Нечаева считается «Программа революционных действий», созданная им, вероятно, в соавторстве с П.Н. Ткачевым. Этот план восстания, «ноты, по которым должна быть разыграна революция» [16, с. 145], провозглашал неминуемое истребление дворянства и ниспровержение самодержавия [15, с. 356]. Автор «Программы» уверял, что уже зимой 1870 года Россию ждет новая пугачевщина, и потому необходима партия, которая возглавит и доведет до логического конца всероссийское восстание. Студенчество Нечаев видел как главный орган рекрутирования революционеров. К весне 1870 г., по мнению главы «Народной расправы», восстание масс будет организовано и возглавлено им самим, конечно [11, с. 82 85].

Стремясь к реализации своей «Программы», Нечаев осенью 1868 — весной 1869 гг. тщетно призывал студентов к крупной политической акции [1, с. 67 68]. Учащаяся молодежь отвергла его призывы к немедленной и беспощадной революционной борьбе, а лидеры студенческого движения и вовсе открыто критиковали нечаевский авантюризм, предпочитая мирную агитацию, прямой конфронтации с властями [1, с. 60].

Как видим, «лидер студенчества», несмотря на все усилия и громадную энергию, остался ни с чем и отбыл «не солоно хлебавши». Радикальные предложения были отвергнуты большинством мятежного студенчества и в первопрестолной, и в Северной Пальмире, более того, неумность и нахрапистость «абрека», как вспоминал О.В. Аптекман, ускорили объединение противников Нечаева в кружке чайковцев» [1, с. 68]. К слову, отношения Нечаева и Аптекмана на этом не завершились, получив неожиданное развитие.

Узнав о провале своей организации, следствии и арестах поделщиков, «пламенный революционер» с помощью Н.Н. Александровской в декабре 1869 г. спешно покинул отечество [19, с. 12].

Мстительный и неразборчивый в средствах глава «Народной расправы» передал через В.В. Александровскую «посылку» для М.А. Натансона и приказал ей вернуться в Россию. Полиция в это время энергично разыскивала организатора убийства И.И. Иванова, и Нечаев прекрасно понимал, что сначала арестуют его подопечную, а затем доберутся и до Натансона. Действительно, уже на границе «агент» был взят с поличным с прокламациями, всученными ей Нечаевым. Этот акт мести политическому противнику вполне в духе «абрека», сдавшего властям лично неприятного ему «строптивца» Натансона руками Александровской, помогавшей Нечаеву бежать за границу. М.А. Натансон, как и рассчитывал Нечаев, был арестован и два месяца провел под стражей [1, с. 68].

К слову, на следствии В.В. Александровская прокляла Нечаева и безуспешно навязывала полиции свою помощь в его поиске. Однако личность и услуги этой экстравагантной дамы русскую полицию несколько не заинтересовали, и пришлось жертве нечаевского коварства отбыть весь положенный срок на поселении в Сибири. Не имеет документального подтверждения и версия о влиянии С.Г. Нечаева на славянскую эмиграцию. Г. Бакалов не приводит никаких доказательств влияния «абрека» на болгарскую эмиграцию, предположив, что революционер, поэт и национальный герой Болгарии «сделался революционером в духе знаменитого «Катехизиса» [2, с. 37]. Биограф Х. Ботева, несмотря на титанические усилия, никаких, даже самых слабых следов влияния Нечаева на болгарского революционера так и не обнаружил, кроме того, что автор «Катехизиса» буквально «очаровал» своего болгарского друга [2, с. 17].

Возможность «очарования» — явно не самое убедительное доказательство революционного воздействия. Не менее умозрительны и аргументы В.Я. Гросула, скрупулезно исследовавшего русско-балканские революционные связи. Касаясь возможных контактов Нечаева с балканскими и польскими революционерами, историк из-за недостатка фактов вынужден постоянно оперировать понятиями: «можно предположить», «вероятно», «весьма возможно» и пр. [9, с. 409-414]. Если же избегать сослагательного наклонения, то из исследования Гросула следует лишь то, что некоторые революционеры не порвали отношений с Нечаевым, узнав о его роли в убийстве И.И. Иванова.

Зато факты неопровержимо свидетельствуют о другом: там, где Нечаев, там аресты, преследования, полицейщина.

В 1869 г. провал «Народной расправы» стал следствием полного пренебрежения самого Нечаева к элементарным правилам конспирации. Хвастливые уверения сочинителя «Катехизиса» о неуловимости хорошо организованной и разветвленной партии оказались блефом. Полиция без особых усилий добыла все необходимые для ареста нечаевцев улики, включая программные документы и списки участников кружка.

И после этого происшествия деятельность «абрека» стала причиной ареста, или, во всяком случае, задержания десятков людей. С.Л. Викторов аргументированно предположил, что именно Сергей Геннадиевич сдал полиции сначала петербургских студентов [12, с. 241-245], а затем и соратников по революционной борьбе на юге России [13, с. 56-75]. Эта версия весьма убедительна еще и потому, что, как в начале 1930-х годов указывал Б.П. Козьмин, Нечаев рассматривал учащуюся молодежь как пушечное мясо революции, полагая, что аресты, ссылки, каторга единственное средство выработки подлинно революционной массы [14, с. 180-181].

Прибавим к жертвам «нечаевщины» еще и Флореско (Медлина), задержанного с врученной ему Нечаевым литературой, солдат Петропавловской крепости, отправленных в ссылку и на каторгу, не забудем и о роли Нечаева в арестах Александровской и Аптекмана. В совокупности получается около 300 человек. Это и есть участники «нечаевского движения», о которых порой говорится в литературе? Если так, то С.Г. Нечаев, мягко говоря, очень своеобразный революционер.

Гораздо лучше ему удавались акции чисто уголовного характера, и речь не только о расправе над несчастным студентом Ивановым.

В Швейцарии Нечаев «занялся делом», организовав «банду воров и разбойников», чтобы «составить революционный капитал», свидетельствовал М.А. Бакунин [21, с. 440]. И это вовсе не выдумка «отца русского анархизма», раздраженного «шалостями» Нечаева. Методы «абрека» испытал на себе революционный публицист и поэт Н.П. Огарев. Друг и единомышленник А.И. Герцена был единственным, кто от начала и до конца всеми силами помогал Нечаеву, несмотря на его репутацию шантажиста и вымогателя. «Молодой друг» оригинально отблагодарил своего покровителя: Нечаев агитировал пасынка Огарева вступить в шайку, созданную, чтобы грабить русских туристов, разумеется, в интересах революции. Шок Н.П. Огарева, узнавшего об этом, был таков, что соратник Герцена до конца жизни потерял всякий интерес к идеям освободительного движения.

В «Материалах для биографии» арест и депортация Нечаева из Швейцарии в Россию характеризуются как произвол, насилие, бесправие [7, л. 1-1об].

Нормами права российские власти действительно пренебрегали, хотя бы потому, что по закону Нечаева следовало отправить на каторгу, а не мариновать в казематах Петропавловской крепости. И вместе с тем, версию «арестанта № 5» о тайном сговоре и злодеяниях международной реакции следует существенно скорректировать.

Вопреки уверениям Сергея Нечаева, он не имел швейцарского гражданства и сам категорически отказался от услуг адвокатов, что зафиксировано в документах [17, с. 37] и подтверждается работами историков [26, с. 245].

Более интересно и важно выяснить, почему же все-таки швейцарские власти, уступив давлению, депортировали эмигранта Нечаева на историческую родину. В «Материалах» утверждалась, что экстрадиция Нечаева сопровождалась грубейшими нарушениями процессуальных норм и международного права [7, л. 1-1об.].

В реальности, еще 26 апреля 1870 г. швейцарские власти через Огарева информировали Нечаева, что органам правосудия республики представлены убедительные доказательства участия Нечаева в уголовном преступлении и началось следствие (оно длилось два месяца). Разумеется, не могло быть и речи о предоставлении политического убежища лицу, подозреваемому в убийстве [21, с. 414].

Классическим примером европейской трактовки права экстрадиции стала Италия, «переживавшая медовый месяц своего объединения». Русскому правительству так и не удалось вынудить итальянцев к выдаче политических преступников. Правительство итальянского королевства нашло требования России о выдаче лиц, обвиненных в уголовных преступлениях, «несогласным с итальянским законодательством» [3, с. 134]. Попросту говоря, итальянцы отказывались выдавать русским властям даже цареубийцу, поскольку это преступление политическое, а не уголовное. Самодержавию пришлось проглотить это унижение ради поимки страшного и неуловимого С.Г. Нечаева» [3, с. 135].

По завершении «нечаевского дела» Швейцария приняла закон, исключавший экстрадицию политэмигрантов в Россию [24, с. 45]. Всего же за десять лет (с 1867 по 1877 гг.) царское правительство, несмотря на титанические усилия дипломатов, заключило конвенции о выдаче эмигрантов как уголовных преступников лишь с восемью странами, как отмечал Я.Д. Баум [3, с. 138].

Между тем, российской политической полиции был хорошо известно, что автор «Катехизиса» не был ни крупным идеологом, ни серьезным политиком, презирался и третировался в эмигрантских кругах. Хорошо осведомленный по роду службы шеф жандармов П.А. Шувалов прямо указывал, что личность Нечаева, «едва ли заслуживает внимания» [18].

Поистине сатанинских масштабов личность и деяния главаря «Народной расправы» обрели в воспаленном воображении русской бюрократии и лично государя императора,

требовавшего немедленной поимки «злодея». Затраты только на телеграфные и почтовые переговоры о розыске государственного преступника составили астрономическую по тем временам сумму в 18 тыс. рублей! [5, С. 141].

Активное содействие в розыске «беса» агентам полиции оказал никто иной как сам канцлер Германии Отто фон Бисмарк. Безуспешная и долгая охота за «государственным преступником» достигла такого градуса умоисступления, что за убийцу Иванова принимали то всемирно известного этнографа и лингвиста Альфонса Пинара, то мирного русского студента С.И. Серебрянникова. [3, с. 137].

Бесперывное двухлетнее давление самодержавия на правительство Швейцарии принесло результат: в январе 1872 г. президент Швейцарии В. Вельти дал добро на арест и экстрадицию Нечаева [17, с. 35-36].

Нечаев, как верно и точно подметил Я.Д. Баум, «с большими способностями создавал впечатление, что его «Комитет народной расправы» является внушительной, чуть ли не могучей революционной организацией с весьма «страшной» программой» [3, с. 135-136].

Создавать впечатление то небольшое, что хорошо удавалось автору «Катехизиса революционера», тогда как необходимые для профессионально-го революционера способности конспиратора были совершенно ничтожными. Свидетельством тому не только провал «Народной расправы», но и его собственный арест. Параноидальная подозрительность Нечаева и хвастливые заявления о намерении вывести «шпионство» каленым железом несколько не помешали ему довериться первому встречному провокатору. О неизбежном аресте Нечаева многократно предупреждали М.А. Бакунин, Н.П. Огарев, Наталья Герцен. Но тщетно. «Абрек» считал, что ему врут, потому что бояться и намеренно пытаются выставить из Швейцарии. По воспоминаниям М.А. Бакунина, Нечаев говорил: «Это бакунинцы гонят меня из Цюриха» и хвастался тем, что у него «в бернском федеральном совете есть свои люди, друзья». Они-то, конечно, «предупредили бы» его в случае опасности [21, с. 444].

Нечаев блефовал, никаких связей и знакомств в правительстве Швейцарии у него не было. Зато он был хорошо знаком с поляком А. Стемповским, которому полностью доверял. Он и выдал его русской сыскной полиции.

ВЫВОДЫ. В заключении вернемся к «Материалам к биографии» С.Г. Нечаева, опубликованным Л.А. Тихомировым. Если коротко, то почти все там сказанное — плод фантазии «арестанта № 5». Психология и тип личности автора «Катехизиса» нередко встречаются в истории России, богатой самозванцами. Психотип, свойственный подобной личности, часто смешивает вымысел и реальность. Нечаев легко вжился в роль «революционного фанатика», тогда как на самом деле в основе его активности лежало «неистовство безумного сомнения» [29, с. 98].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аптекман О.В. «Земля и Воля». Монография. Петроград: Колос, 1924. 459 с.
2. Бакалов Г. Христо Ботев и Сергей Нечаев // Летописи Марксизма. 1929. № IX-X. С. 3-37.
3. Баум Я.Д. Борьба царского правительства против права убежища // Каторга и ссылка. 1928. № 5. С. 112-138.
4. Бельчиков Н.Ф. С.Г. Нечаев в с. Иванове в [18]60-е годы: I Письма Нечаева к Ф.Д. Нефедову. II Воспоминания Ф.Г. Постниковой о Нечаеве // Каторга и ссылка. 1925. № 1 (14). С. 134-156.
5. Бер Ю.А. Страницы биографии революционера (С.Г. Нечаев) // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 138-146.
6. Гамбаров А. Г В спорах о Нечаеве. К вопросу об исторической реабилитации Нечаева. Монография. М.: Л.: Московский рабочий, 1926. 147 с.
7. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 2080.

8. Грачев А. «Прикосновенный к делу...» // Глубинка. Литературно-художественно-публицистический альманах. Омск, 1998. № 3 4. С. 334-342.
9. Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859-1874). Кишинев: Шиница, 1973. 539 с.
10. Достоевский Ф.М. Бесы. Полн. Собр. Соч. в 30. Т. 11. М.: Наука, 1974. 416 с.
11. Историко-революционная хрестоматия. Сб. документов в 2 т. Т. 1. М.: Новая Москва, 1923. 477 с.
12. Кириллов В.Л. Об обстоятельствах исчезновения С.Г. Нечаева из Петербурга в начале 1869 г. и подписном листе студенческой сходки на Фурштатской улице // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени [сб. материалов]. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 241-245.
13. Кириллов В.Л. Елизаветградское дело 1869 года: к вопросу о терроризме и радикализме в русском революционном движении конца 1860-х годов // Россия XXI. 2017. № 2. С. 56-75.
14. Козьмин Б.П. С.Г. Нечаев и его противники в 1868-1869 гг. // Революционное движение 1860-х гг.: [сб. ст.] М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. С. 164-198.
15. Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России: сб. статей. М.: АН СССР, 1961. 767 с.
16. Козьмин Б.П. П.Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов: Монография. М.: Новый мир, 1922. 208 с.
17. Кункль А.А. Нечаев: Монография М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 57 с.
18. Лурье Ф.М. Созидатель разрушения: Документальное повествование о С.Г. Нечаеве. Режим доступа: монография <https://www.litmir.me/br/?b=120682&p=1> (дата обращения: 02.11.2021).
19. Нечаев и нечаевцы: [сб. док.] М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. 221 с.
20. Николаевский Б. Памяти последнего «якобинца»-семидесятника (Гаспар-Михаил Турский) // Каторга и ссылка. 1926. № 2 (23). С. 211-227.
21. Огарев, Бакунин и Н.А. Герцен — дочь в «нечаевской» истории (1870 г.): материалы // Литературное наследство. М., 1985. Т. 96. 456 с.
22. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова: моно-графия. М.: Academia, 2011. 558 с.
23. Серебрянников С.И. Из записки. // Н.П. Огарев в воспоминаниях со-временников: [сб. воспоминаний]: М.: Художественная литература, 1989. С. 397-399.
24. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774-1906): [сб. документов] / Сост. В.Н. Александренко. Варшава, Тип. Варшавского учебного округа. 595 с.
25. Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин: Монография. В 3. Т. 3. М.: Коммунистическая академия, 1927. 550 с.
26. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы: 1866-1904 гг.: монография. Тула: Автограф, 2000. 454 с.
27. Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. Л.: Academia, 1929. 544 с.
28. Щеголев П.Е. Алексеевский рavelин: Монография. В 2 т. Т. 2. Л.: Книга, 1990. 379 с.
29. Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Социально-психологические истоки русского терроризма // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 88-100.

REFERENCES

1. Aptekman O.V. «*Zemlya i Volya*» [«Earth and Freedom»]: Mono-grafiya. Petrograd: Kolos, 1924. 459 s. (In Russian).
2. Bakalov G. *Khristo Botev i Sergey Nechayev* [Hristo Botev and Sergei Nechaev] // Letopisi Marksizma. 1929. № IX X. S. 3-37. (In Russian).

3. Baum Y.D. *Baum YA.D. Bor'ba tsarskogo pravitel'stva protiv prava ubezhishcha* [The struggle of the tsarist government against the right of asylum] // *Katorga i ssylka*. 1928. № 5. S. 112-138. (In Russian).
4. Belchikov N.F. S.G. *Nechayev v s. Ivanove v [18]60-ye gody: I Pis'ma Nechayeva k F.D. Nefedovu. II Vospominaniya F.G. Postnikovoy o Nechayeve* [S.G. Nechaev in the village Ivanov in [18] 60s: I Letters from Nechaev to F.D. Nefedov. II Memoirs of F.G. Postnikova about Nechaev] // *Katorga i ssylka*. 1925. № 1 (14). S. 134-156. (In Russian).
5. Ber Yu.A. *Stranitsy biografii revolyutsionera (S.G. Nechayev)* [Pages of the biography of a revolutionary (S.G. Nechaev)] // *Voprosy istorii*. 1989. № 4. S. 138-146. (In Russian).
6. Gambarov A.G. *V sporakh o Nechayeve. K voprosu ob istoricheskoy reabilitatsii Nechayeva* [In disputes about Nechaev. On the question of the historical rehabilitation of Nechaev]. *Monografiya*. M.: L.: Moskovskiy rabochiy, 1926. 147 s. (In Russian).
7. *Gosudarstvennii archive Saratovskoi oblasti. (GASO)* [State Archive of the Saratov Region] (GASO). F.407. Op. 2. D. 2080. (In Russian).
8. Grachev A. «*Prikosnovennyy k delu...*» [«Touched to the case ...»] // *Glubinka. Literaturno-khudozhestvenno-publitsisticheskii al'manakh*. Omsk. 1998, № 3 4. S. 334-342. (In Russian).
9. Grosul V.Ya. *Rossiyskiye revolyutsionery v Yugo-Vostochnoy Yevrope (1859 1874)* [Russian revolutionaries in South-Eastern Europe (1859 1874)]. *Monografiya*. Kishinev: Shinitza, 1973. 539 s. (In Russian).
10. Dostoevsky F.M. *Besy*. [Demons]. *Poln. Sobr. Soch.* v 30 t. T. 11. M.: Nauka, 1974. 416 s. (In Russian).
11. *Istoriko-revolutsionnaya khrestomatiya*. [Historical and revolutionary reader]. *Sb. dokumentov v 2 t.* T. 1. M.: Novaya Moskva, 1923. 477 s. (In Russian).
12. Kirillov V.L. *Ob obstoyatel'stvakh ischeznoveniya S.G. Nechayeva iz Peterburga v nachale 1869 g. i podpisnom liste studencheskoy skhodki na Furshtatskoy ulitse* [On the circumstances of the disappearance of S.G. Nechaev from St. Petersburg at the beginning of 1869 and the signature list of a student gathering on Furshtatskaya Street] / *Istoricheskiye dokumenty i aktual'nyye problemy arkhografii, istochnikovedeniya, rossiyskoy i vseobshchey istorii no-vogo i noveyshego vremeni*. *Sb. materialov*. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2016. S. 241-245. (In Russian).
13. Kirillov V.L. *Yelizavetgradskoye delo 1869 goda: k voprosu o terrorizme i radikalizme v rusском revolyutsionnom dvizhenii kontsa 1860-kh godov* [Elizavetgrad case of 1869: on the issue of terrorism and radicalism in the Russian revolutionary movement of the late 1860 s] // *Rossiya XXI*. 2017. № 2. S. 56 75. (In Russian).
14. Koz'min B.P. *S.G. Nechayev i yego protivniki v 1868-1869 gg.* [S.G. Nechaev and his opponents in 1868-1869] // *Revolutsion-noye dvizheniye 1860-kh gg: [sb. st.] M.: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politka-torzhan i ssyl'noposelentsev*, 1932. S. 164-198. (In Russian).
15. Kozmin B.P. *Iz istorii revolyutsionnoy mysli v Rossii: sb. Statey* [From the history of revolutionary thought in Russia: Sat. articles]. M.: AN SSSR, 1961. 767 s. (In Russian).
16. Kozmin B.P. *P.N. Tkachev i revolyutsionnoye dvizheniye 1860-kh godov* [P.N. Tkachev and the revolutionary movement of the 1860-s.]: *Monografiya*. M.: Novyy mir, 1922. 208 s. (In Russian).
17. Kunkl A.A. *Nechayev* [Nechaev]. M.: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 1929. 57 s. (In Russian).
18. Lurie F.M. *Sozidatel' razrusheniya: Dokumental'noye povestvovaniye o S. G. Nechayeve* [Creator of Destruction: A Documentary Narrative about S. G. Nechaev]. [Electronic resource]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=120682&p=1> (data obrashcheniya: 02.11.2021). (In Russian).
19. *Nechayev i nechayevtsy: [sb. dok.]* [Nechaev and Nechaevtsy: [Sat. doc.]. M.: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo, 1931. 221 s. (In Russian).
20. Nikolayevsky B. *Pamyati poslednego «yakobintsa»-semidesyatnika (Gaspar-Mikhail Turskiy)* [In memory of the last «Jacobin» of the seventies (Gaspar-Mikhail Tursky)] // *Katorga i ssylka*. 1926. № 2 (23). S. 211-227. (In Russian).

21. Ogarev, Bakunin i N.A. Gertsen — doch' v «nechayevskoy» istorii (1870 g.) [Ogarev, Bakunin and N.A. Herzen-Daughter in the «Nechaev» History (1870)]: materialy // Literaturnoye nasledstvo. M., 1985. T. 96. 456 s. (In Russian).
22. Repnikov A.V., Milevsky O.A. Dve zhizni L'va Tikhomirova [Two lives of Lev Tikhomirov]: monografiya. M.: Academia, 2011. 558 s. (In Russian).
23. Serebrennikov S.I. Iz zapiski [From the note] // N.P. Ogarev v vospominaniyakh sovremen-nikov: [sb. vospominaniy]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. S. 397-399. (In Russian).
24. Sobraniye vazhneyshikh traktatov i konventsiy, zaklyuchennykh Rossiyey s ino-strannymi derzhavami (1774-1906) [Collection of the most im-portant treatises and conventions concluded by Russia with foreign powers (1774-1906)]. Sat. documents / [sb. dokumentov] / Sost. V.N. Aleksandrenko. Varshava, Tip. Varshavskogo uchebnogo okruga. 595 s. (In Russian).
25. Steklov Y. Mikhail Aleksandrovich Bakunin [Mikhail Alexandrovich Bakunin]: Monografiya. V 3. T. 3. M.: Kommunisticheskaya akademiya, 1927. 550 s. (In Russian).
26. Troitsky N.A. Advokatura v Rossii i politicheskiye protsessy: 1866-1904 gg. [Advocacy in Russia and political processes: 1866-1904]: Monografiya. Tula: Avtograf, 2000. 454 s. (In Russian).
27. Tuchkova-Ogareva N.A. Vospominaniya [Memories]. L.: Academia, 1929. 544 s. (in Russian).
28. Shchegolev P.E. Alekseyevskiy ravelin [Alekseevsky ravelin]: Monografiya. V 2 t. T. 2. L.: Kniga, 1990. 379 s. (In Russian).
29. Shcherbakova E.I. «Otshchepency». Social'no-psihologicheskie istoki russkogo terrorizma [«Rene-gades». Socio-psychological origins of Russian terror-ism] // Svobodnaya mysl. 1998. № 1. S. 88-100. (In Russian).